

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Д.В. ЕФРЕМЕНКО

В ПОИСКАХ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ОРИЕНТИРОВ В ЭПОХУ МЕЖДУЦАРСТВИЯ МОДЕРНА

1. Российская мизансцена 2008–2012 гг.

В российском публичном дискурсе постсоветского времени термин «модернизация» получил довольно широкое распространение. Представители разных политических взглядов употребляли его достаточно часто, вкладывая в него самые разные смыслы, а в отдельных случаях – даже и не слишком заботясь о смысле. При таком инфляционном употреблении роль самого термина неизбежно оказывалась вспомогательной, и казалось, у него уже не остается шансов превратиться в дискурсивную доминанту. Однако в период 2008–2012 гг. ситуация изменилась. Отчасти это было связано со спецификой властной конструкции дуумвирата Путин – Медведев, отчасти – со случайностями терминологического выбора.

Еще в конце 2007 г., когда стали понятны основные контуры будущей конфигурации российской власти, в политической риторике президента Владимира Путина и будущего преемника Дмитрия Медведева все чаще стали звучать призывы к качественному обновлению стратегии национального развития. Весьма показательным в этом отношении стало выступление В.В. Путина на заседании Госсовета 8 февраля 2008 г. Своеобразный драматизм выступления состоял в том, что наряду с констатацией успеха курса, проводившегося в 2000–2008 гг., Путин признавал, что его инер-

ционное продолжение приведет страну к потере темпа, в конечном счете – к бесповоротному отставанию от мировых лидеров и утрате суверенитета. По сути дела, сам Путин выступил идеологом поворота, который должен был по времени совпасть с приходом в Кремль нового президента.

Выступления Д.А. Медведева в ходе избирательной кампании 2008 г. (например, на V Красноярском экономическом форуме, где была сформулирована концепция «Четырех И», – обновление институтов и инфраструктуры, развитие инноваций и поощрение инвестиций [Медведев, 2008]) рассматривались как указание на то, что смена долгосрочной стратегии социально-экономического развития пойдет по сценарию либерализации под лозунгом «свобода лучше, чем несвобода». При этом основной посыл высказываний Путина и Медведева заключался в том, что и выработка долгосрочной стратегии и – главное – ее реализация являются делом нынешнего политического класса, а еще точнее – тандема Путин – Медведев.

События, последовавшие вскоре после прихода Дмитрия Медведева в Кремль и перехода Владимира Путина на Краснопресненскую набережную, – «пятидневная война» на Кавказе и начало мирового экономического кризиса – более чем на год перевели политическую жизнь страны и сопутствующие ей дискуссии в режим оперативного реагирования. Только во второй половине 2009 г. у лидеров страны снова появилась возможность вернуться к обсуждению долгосрочной стратегии. 10 сентября 2009 г. в интернет-издании Газета.Ru была опубликована статья Дмитрия Медведева «Россия, вперед!» [Медведев, 2009]. С этого момента слово «модернизация» не просто вернулось в политический обиход, но превратилось в бренд, устойчиво ассоциирующийся с третьим президентом России.

Статья «Россия, вперед!» была воспринята политической элитой и экспертным сообществом как важный сигнал, указывающий на готовность власти (или, по крайней мере, ее либерального крыла) к «разморозке» темы изменения политического курса. Вместе с тем этот сигнал был подан таким образом, что его было невозможно однозначно интерпретировать. Весьма заметную роль в этом сыграл сам выбор термина «модернизация». В восприятии широкой аудитории данное понятие чаще всего связывается с тех-

нологическим обновлением или трансформацией моделей экономического поведения. Для специалистов, знакомых с трактовками модернизации в социальной теории, данное понятие связано с качественными социальными и политическими изменениями. Текст статьи Д.А. Медведева в большей степени соответствовал «обыденному» пониманию модернизации, но вместе с тем оставлял и определенное пространство для иных трактовок. В частности, в нем наряду с обстоятельным описанием задач модернизации экономики и стимулирования инновационной активности упоминалась «модернизация российской демократии» и в общих чертах затрагивались вопросы преобразования политической системы [Медведев, 2009].

Так или иначе, но с подачи третьего президента России и его спичрайтеров дискуссиям политиков и экспертов была придана новая направленность. По сути дела, возникло особое пространство политического и научного дискурса, которое представители самых разных взглядов пытались колонизовать, подчас вступая друг с другом в довольно жесткое соревнование. Поскольку же основная тема дискуссий отличалась смысловой многозначностью, некоторые участники споров о модернизации не смогли устоять перед соблазном такого истолкования данного понятия, которое могло бы способствовать решению тактических задач борьбы в высших эшелонах российской власти на завершающем этапе существования тандема Путин – Медведев.

Однако всего лишь два года спустя после публикации медведевской статьи – 24 сентября 2011 г. – граждане России были оповещены о намеченной рокировке во власти, в результате которой автор «России, вперед!» расписался в отказе от президентских амбиций на период 2012–2018 гг. Осуществление этой рокировки должно привести к деконструкции модели дуумвирата, независимо от того, возглавит ли Д.А. Медведев российское правительство после президентских выборов или нет. Впрочем, всплеск общественного протеста в крупных российских городах в декабре 2011 г. заставляет усомниться в предрешенности сценария 24 сентября. Те политические перемены, которые принесет России 2012 год, скорее всего, потребуют не только смены политической стратегии, но и ее бренда, а термин «модернизация», похоже, будет еще долго

восприниматься как напоминание о дискуссиях российских политиков и экспертов эпохи тандемократии.

Но даже если в 2012 г. в российском общественно-политическом дискурсе тема модернизации утратит свою актуальность, развернувшееся и пока не завершенное обсуждение этой проблематики на экспертном уровне представляется заслуживающим внимания. Следует сразу сказать, что каких-то выдающихся интеллектуальных прорывов эта дискуссия не принесла. Тем не менее она позволяет прояснить ряд позиций, выявить их сильные и слабые стороны, охарактеризовать российский контекст этой универсальной темы и по крайней мере получить некоторую дополнительную «информацию к размышлению» о дихотомии *модерн / модернизация*. Далеко не в последнюю очередь дискуссия о модернизации позволяет понять, что же на деле заботит ее участников, какова политическая подоплека различных аргументов в пользу той или иной модернизационной стратегии.

2. Теория модернизации 1950–1960-х годов как точка отсчета

Для всякой серьезной дискуссии необходима какая-то точка отсчета. Следовало бы ожидать, что в нашем случае такой точкой отсчета станут теоретические представления о модернизации, разработанные в конце 1950-х – середине 1960-х годов благодаря целенаправленным усилиям ведущих западных социологов, политологов и экономистов – Т. Парсонса, С. Липсета, Г. Алмонда, К. Гирца, Э. Шиллза, Н. Смелзера, У. Ростоу, Р. Бендикса, С. Блэка, М. Леви, С. Хантингтона, А. Гершенкрона, Д. Аптера и др. Но здесь, как и во множестве других случаев, срабатывает эффект «непрочитанности». Хотим мы того или нет, но в странах постсоветского пространства без публикации первоисточника в русском переводе любая социальная концепция светит, подобно Луне, лишь отраженным светом. И пока ни Интернет, ни другие значительно расширившиеся возможности доступа к иноязычным текстам радикальным образом не меняют этого обстоятельства. Из теоретиков модернизации много и обильно у нас переводился лишь Т. Парсонс. Поэтому задача ознакомления заинтересованных российских чита-

телей с основными текстами теоретиков модернизации сохраняет свою актуальность¹.

Следует подчеркнуть, что о единой теории модернизации даже применительно к периоду 1950–1960 гг. можно говорить с определенной долей условности. Скорее, это было мощное интеллектуальное движение, сконцентрированное во времени и (по крайней мере, на начальном этапе) в пространстве усилие целой когорты социальных мыслителей ответить на вопросы, имеющие не только теоретическое, но и политическое значение. Фактически разработка идей модернизации представляла собой мегапроект интеллектуальной элиты, частных фондов и государственных структур США. Об этом, в частности, подробно говорил Крейг Калхун в своей лекции «Теории модернизации и глобализации: Кто и зачем их придумывал». Калхун в настоящее время возглавляет Американский совет по исследованиям в области социальных наук (Social Science Research Council), который в конце 1950-х годов выступил в роли агентства, координирующего грантовую поддержку исследований модернизации. Калхун подчеркивает: «Касательно модернизации очень важно понять, что это – американская теория, которая возникает именно после победы во Второй мировой войне. Это был проект американской либерально-центристской интеллигенции. Идея заключалась в том, что теория модернизации должна распространиться из Америки прежде всего на Западную Европу, где она разрабатывается, хотя развивается в Соединенных Штатах; она должна быть принята в других странах... Теория модернизации развивается очень небольшим числом людей, которые тем не менее находятся в элитных университетах» [Калхун, 2006].

Очевидно, еще предстоит прояснить вопрос о том, насколько мощные импульсы разработке идей модернизации были приданы американскими государственными структурами. Во всяком случае, высказываемое иногда суждение о создании теории модернизации как о проекте ЦРУ представляется по меньшей мере сознательным упрощением. Правда, тот же Калхун в своей лекции привлек внимание слушателей к фактам тесного сотрудничества Т. Парсонса и Э. Шиллза с американским разведывательным сообществом в период Второй мировой войны. Но с другой стороны, известно, что в

¹ Соответствующее издание готовится к печати сотрудниками ИНИОН РАН.

период маккартизма Парсонс наряду с такими социологами, как У. Огберн, П. Сорокин, Г. Блумер, Ч.Р. Миллс и др., был объектом внимания сотрудников ФБР, подозревавших его в антиамериканской деятельности [Keen, 1999, p. 123–142]. Более существенно то, что в конце 1950-х годов сошлись в одной точке потребность американского правительства в новых теоретических подходах, укрепляющих позиции США в идеологическом противостоянии с Советским Союзом, научные интересы ряда выдающихся социальных мыслителей и готовность ведущих частных фондов финансировать исследовательские проекты этих ученых.

В чем же состояла «сверхзадача» этого движения за разработку теоретических представлений об универсальных путях перехода от традиционного общества к современному? Калхун отмечает, что «модернизация возникает как идеология победителей с Запада. Победившие державы Запада на пике своего успеха смотрели на остальной мир как на мир, который необходимо довести до уровня гражданского общества, до уровня демократии, существующей на Западе. И конечно же, поэтому надо было отрицать западное и вполне современное происхождение нацизма» [Калхун, 2006; см. также: Calhoun et al., 2007, p. 12–13]. Кроме того, Калхун указывает, что адресатами теории модернизации были страны Третьего мира, освобождавшиеся от колониальной зависимости на рубеже 1950–1960-х годов.

Как представляется, акценты у Калхуна расставлены не вполне точно. Вне всякого сомнения, конструировалась идеологическая стратегия, в основе которой было нормативное представление о модерне (modernity), успешным воплощением провозглашалась цивилизация Запада во главе с Соединенными Штатами. Тезис «модернизация как вестернизация» формулировался четко. Например, у раннего Ш. Эйзенштадта: «Исторически модернизация является процессом изменений в направлении тех типов экономических, социальных и политических систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII в. по XIX в., затем распространились на другие европейские страны, а в XIX и XX вв. – на южноамериканский, азиатский и африканский континенты» [Eisenstadt, 1966, p. 1].

Идеология модернизации вполне логично продолжала линию прогрессистских социальных теорий, зародившихся в эпоху

Просвещения. К числу таких теорий принадлежал и марксизм, достижения которого теоретики модернизации в полной мере учитывали, тем более, что марксизм в форме коммунистической идеологии был в тот момент основным конкурентом теории модернизации. Сама эта конкуренция была далека от простого соревнования идей, поскольку в конце 1950-х годов конкурентоспособность коммунистической идеологии поддерживалась не столько за счет объяснительных возможностей марксистского учения, которому к тому времени уже пошел второй век, сколько за счет мощи, реальных и пропагандистских достижений государств, провозглашавших свою приверженность коммунистической перспективе. Здесь теоретики модернизации, с одной стороны, пользовались преимуществом свободного оперирования новейшими достижениями социальных исследований в странах Запада, но, с другой стороны, пытались создать универсальное описание перехода от традиционного к современному обществу, эти теоретики неизбежно сталкивались с необходимостью объяснения феноменов фашизма и коммунизма. И если объяснение природы и причин фашизма и национал-социализма в тот момент было необходимо прежде всего для стройности теории, то вызов коммунизма был сверхактуальным. Экономические и технологические преимущества западного модерна оспаривались советскими коммунистами весьма решительно: 4 октября 1957 г. США и западный мир пережили «момент спутника» – шок, заставивший Запад мобилизоваться для нового технологического рывка¹. И наряду с симметричным ответом в области естественных и технических наук, последовал и асимметричный ответ социальных наук, каковым, как представляется, стала разработка теоретических представлений о модернизации².

¹ О значении, которое придавали «моменту спутника» западные политологи и социологи, свидетельствует, в частности, исследование общественного мнения в США, Великобритании, Франции, Западной Германии и Италии в связи с советскими достижениями в космосе, которое проводил Г. Алмонд [Almond, 1960].

² Разработку теоретических представлений о модернизации в 1950–1960-х годах можно рассматривать как мегапроект в области социальных наук, в некоторых отношениях сопоставимый с Манхэттенским проектом и ему подобными стратегическими инициативами решения «больших проблем». Однако в отличие от Манхэттенского проекта с его иерархической организационной структурой, разработка теории модернизации осуществлялась в процессе сетевого взаимодействия,

В рамках этих теоретических поисков фашизм, национал-социализм и коммунизм интерпретировались либо как следствие судорожных попыток преодоления экономической отсталости, «запаздывающей» модернизации [Gerschenkron, 1962; Matossian, 1962], либо как специфические стратегии модернизации [Gregor, 1974], либо, напротив, как патология или катастрофический сбой модернизационного процесса [Rostow, 1960; Organsky, 1962]. Несмотря на расхождения в интерпретациях, никто из авторов, внесших вклад в развитие идей модернизации, не ставил под сомнение, что Россия пошла по альтернативному пути разрыва с традиционным обществом. Парсонс, например, проводил аналогии между Советским Союзом и Японией, подчеркивая ключевую роль государства в обеспечении всеобщего принятия функциональных ценностей, необходимых для индустриализации как важной составляющей модернизации [Парсонс, 2002, с. 672–673]. Б. Мур, в свою очередь, ставил в один ряд Россию и Китай как страны аграрные с мощной бюрократией и слабой буржуазией, где революционные силы разрушают старый порядок и прежнюю социальную структуру, насильственным образом «вталкивая» эти страны в современную эпоху [Moore, 1966, р. XXII]. В конечном счете речь шла не об отрицании модернизационных эффектов коммунистического господства, а об обосновании преимуществ нормативной (т.е. западной) модели модернизации. И основными адресатами этих теоретических разработок на рубеже 1950–1960-х годов были элиты стран, освободившихся от колониальной зависимости и стоящих перед выбором стратегии социально-экономического развития.

На кону, в сущности, стоял исторический выбор большинства тогдашнего человечества. Поэтому в разработке представлений о модернизации логичным стал шаг от развития метатеории социальных изменений к углубленному изучению случаев отдельных стран и регионов. Однако бурный всплеск страноведческих исследований дал результаты, впечатляющие по своей научной значимости, но разрушительные для единства модернизационной теории. Ее эрозия и фрагментация стали очевидными уже к концу 1960-х годов. Один из теоретиков модернизации «классического

которое является одной из характерных особенностей «постнормальной науки» [см.: Funtowicz, Ravets, 1993; Ефременко, 2011, с. 46–54].

периода» – Дэвид Аптер – описывает ситуацию следующим образом: «Сегодня теории модернизации распались на фрагменты. Их нет. Политэкономика и “прагматический (рациональный) выбор” – вот что является постоянной повесткой дня. Причем и политэкономика, и “рациональный выбор” объявляются возможными только в рамках господствующей либеральной теории, интеллектуально захапшей и узкой. Что наиболее отвратительно в этом интеллектуальном уродстве – инновациями и свободным рыночным капитализмом оправдываются разрушительные социальные последствия» [Эптер, 2009].

Как и почему это произошло – история отдельная, заслуживающая обстоятельной реконструкции и непредвзятого анализа, не входящего в задачи настоящей статьи. Вкратце можно сказать лишь о том, что углубленная теоретическая рефлексия и страноведческие исследования показали неработоспособность представлений о модернизации как о линейном процессе, развивающемся в predetermined направлении. Сначала критике подвергались наиболее упрощенные и механистичные модели модернизации наподобие пяти стадий экономического роста У. Ростоу¹, а затем – и сама возможность соответствующей метатеории.

3. Interregnum

Если пытаться указать на суть проблемы, то следует подчеркнуть: дело не в модернизации – дело в модерне, в признании либо непризнании нормативной модели современности. Из плеяды исследователей, разрабатывавших в 1950–1960-х годы теоретические представления о модернизации, наиболее решительно в этом направлении пошел Ш. Эйзенштадт. Выдвинутая им концепция множественных модернов (multiple modernities) убедительно демонстрирует, что структурная дифференциация неевропейских обществ совсем необязательно воспроизводит европейскую (западную) модель. По мнению Эйзенштадта, европейская версия модерна стимулирует появление различных институциональных и

¹ Как писал А. Гершенкрон о стадийной модели экономического роста У. Ростоу, «единственное затруднение состоит в том, что эти блестящие упражнения в логике были повержены историей» [Gerschenkron, 1970, p. 101].

идеологических паттернов за пределами Европы: «Существенно, что эти паттерны не конституировали простое продолжение в современной эре традиций их обществ. Такие паттерны, несомненно, относились к модерну, хотя и испытывали сильнейшее воздействие специфических культурных посылок, традиций и исторического опыта... Идея множественности модернов означает, что наилучший путь понимания современного мира... состоит в рассмотрении его как повествования о непрерывном конституировании и реконституировании разнообразия культурных программ» [Eisenstadt, 2000, p. 2].

Понимание того, что «культура имеет значение», было характерно для многих теоретиков модернизации 1950–1960-х годов. Дальнейшее развитие этого тезиса (в частности, в работах Ш. Эйзенштадта и его последователей, а также в концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона) позволило окончательно распрощаться с иллюзиями о тотальности и детерминированности движения к сингулярной версии модерна, но не сняло вопрос о нормативной модели современности. Скорее наоборот, многообразие предполагает конкуренцию, а конкуренция – лидерство. Правда, в соперничестве модернов или цивилизаций не может быть постоянного лидера, но продолжительное лидерство как яркая история успеха обладает мощной нормативной силой. Если же учитывать длительность циклов цивилизационного лидерства, то не столь уж сложно понять, сколь силен соблазн подбора аргументов, призванных обосновать, оправдать, а то и увековечить доминирование наиболее успешной культурной программы. Но сегодня остается все меньше сомнений, что мы как раз оказываемся свидетелями смены цикла цивилизационного лидерства. При этом, однако, нет никаких гарантий, что эта смена завершится при ныне живущем поколении.

Зигмунт Бауман, анализируя в одной из недавних статей динамику модерна в начале XXI в., обращается к термину «Interregnum» – междуцарствие, который Антонио Грамши использовал для характеристики ситуации ожидания радикальных перемен, вызванных социальными потрясениями эпохи Великой депрессии [Bauman, 2010]. Грамши вкладывал в понятие «междуцарствие» свой особый смысл, имея в виду одновременные и глубокие изменения социального, политического и юридического порядка. Как и

тогда, сегодня старые концепции, институты и механизмы влечат свое существование, демонстрируя прогрессирующую дисфункциональность. Глобальный капитализм в его «докризисном» дизайне, Вашингтонский консенсус, западное государство всеобщего благосостояния, «постбиполярные» механизмы безопасности и т.д. пока сохраняются, но вера в их жизнеспособность тает. В то же время никакой полноценной замены этим столпам современности пока не видно, а динамика международных процессов становится все более турбулентной.

Эпоха современного междуцарствия в глобализованном мире по сути является эпохой поствестернизации, завершения пятисотлетнего доминирования европейской (западной) цивилизации. В контексте представлений о множественности модернов метафора междуцарствия могла бы означать, что западная версия модерна в основном исчерпывает свою миссию «перенастройки» незападных культурных программ и вступает в период сосуществования и конкуренции с другими возникшими на основе этих программ версиями модерна. Но это сосуществование означает ни больше ни меньше, как признание плюрализма базовых ценностей, институтов и моделей политического устройства, следующее за признанием плюрализма культурных программ. Нормативная значимость западной версии модерна в условиях междуцарствия оспаривается все более решительно, но безусловного претендента на ее замещение пока что нет.

«Подъем остальных» – деликатный термин, использованный Ф. Закария для описания таких проявлений поствестернизации, как укрепление незападных центров экономической и политической мощи [Закария, 2009, с. 25]. Однако деликатность в терминологии лишь несколько оттеняет растерянность значительной части западного экспертного сообщества в связи возвышением незападных держав, которое стало еще более заметным в условиях нынешнего экономического кризиса. С одной стороны, ряд комментаторов и аналитиков видят в этих державах чужаков, представляющих угрозу. С другой стороны, слышатся голоса в пользу того, чтобы рассматривать усиливающиеся страны незападного мира как «нам подобных», нуждающихся в социализации и в обучении соблюдать правила. Как отмечает британский специалист по международным отношениям Т. Данн, в контексте современной глобальной

политики обе стратегии выступают манифестациями представлений о безальтернативности западной версии модерна, причем такой подход останется востребованным, даже несмотря на его прогрессирующую неадекватность [Dunne, 2010, p. 542].

А что же Россия, где во время глобального кризиса вдруг вспомнили о модернизации? В историософском смысле вопрос о самой возможности осовременивания России может оказаться вопросом не по существу [ср. Пивоваров, 2007, с. 348] либо по крайней мере вопросом несвоевременным. Скорее наиболее актуальным является вопрос о том, как Россия может наиболее успешно пережить эпоху глобального междуцарствия, не попав в жернова между уходящей тотальностью западного модерна и опасностями поствестернизации. Но рефлексия на тему «Россия и современность», разумеется, необходима.

В теоретико-методологическом плане здесь представляет интерес концепция «самопонимания» (self-understanding), которую предлагает П. Вагнер [Wagner, 2010]. Самопонимание не является неизменным для того или иного общества на протяжении веков; оно указывает на качественные трансформации, происходившие в недавнем прошлом. Речь идет не о фундаментальных культурных программах, на которых фокусирует внимание Ш. Эйзенштадт, а о продолжающемся процессе более или менее коллективного осмысления специфической ситуации конкретного социума в свете значимого опыта прошлого. Предлагаемый Вагнером подход ориентирован на демонстрацию того, как процессы социальной реинтерпретации исторического опыта и межличностной коммуникации по поводу базовых правил и ресурсов воздействуют на институциональные изменения. Иначе говоря, речь идет о связи между культурно-интерпретативными и социально-политическими трансформациями, к числу которых, по-видимому, мог бы относиться и российский модернизационный проект.

Есть основания говорить по крайней мере о трех основных аспектах социального самопонимания – эпистемическом, политическом и экономическом. Эпистемическая проблематика отражает специфику знаний людей о самих себе, об общественной жизни и о природе. Проекция этой проблематики на социально-политическую сферу позволит в дальнейшем выявить ее значимость для данной

сферы и – в более широком смысле – для сплочения общества, его адаптации к модерну или к эпохе междуцарствия.

Центральным для идентификации политической проблематики является соотношение коллективных интересов и индивидуальной автономии. Автономия как базовая категория западного модерна оставляет значительное пространство для интерпретаций индивидуальной автономии (свобода от принуждения или от господства) и коллективной автономии (демократия). Политическая проблематика, кроме того, охватывает различные модальности участия в процессе принятия политических решений и варианты агрегирования коллективных интересов.

Экономическая проблематика сфокусирована на вариантах наилучшего удовлетворения материальных потребностей общества. Наряду с собственно экономическими категориями, например категорией производственной эффективности, здесь обнаруживается связь с социальными ценностями и нормами, их возможной иерархией [Wagner, 2010, p. 57–60].

Действия социальных акторов, основанные на реинтерпретации базовой эпистемической, политической и экономической проблематики, могут рассматриваться как мобилизация культурных ресурсов, как проявление социальной креативности. В случае России подобный процесс социального самопонимания мог бы означать попытку формирования идентичности социума, позволяющую если не осуществить модернизацию (проблематичную в условиях дефицита нормативной модели модерна), то, во всяком случае, сохранить некоторые ориентиры в условиях глобальной турбулентности.

К сожалению, фактический ход российской дискуссии о модернизации очень мало способствовал достижению такого рода самопонимания.

4. Модернизация и пустота¹

Как уже отмечалось ранее, российская дискуссия о модернизации по форме представляла собой борьбу за колонизацию нового

¹ Автор не смог устоять перед искушением воспользоваться удачной находкой составителей 74-го выпуска журнала «Неприкосновенный запас» (2010, № 6), в котором эта метафора стала заголовком одного из тематических разделов.

пространства политического дискурса. При этом создавалось впечатление, что участники дискуссии рассматривают это пространство едва ли не как целину, где можно произвольно пренебрегать как теоретической традицией, так и глобальным контекстом. Для многих из тех, кто высказывался в последние годы по проблеме модернизации России, наиболее важно было дать такое истолкование модернизации, которое бы подкрепляло позиции той или иной стороны в борьбе за изменение / сохранение политической модели «вертикали власти», внешнеполитическую ориентацию страны и даже за конкретное решение «проблемы 2012» (в рамках тех вариантов, которые считались возможными до 24 сентября 2011 г.).

То обстоятельство, что назревший призыв к изменению стратегии долгосрочного развития страны был сформулирован как необходимость осуществления модернизации, по всей видимости, не означало, что основную проблему президент Д.А. Медведев видел в сохранении в России начала XXI в. паттернов традиционного общества. Разрыв с традиционным обществом в России в XX столетии был осуществлен сверхрадикально, во всяком случае, в том, что касается таких ключевых составляющих процесса модернизации (по версии теоретиков 1950–1960-х годов), как индустриализация, урбанизация, секуляризация. В результате «в современной России ситуация с традициями и инновациями, их взаимодействием, отношением к ним со стороны интеллектуалов и власти отличается чрезвычайной неопределенностью, многозначностью, амбивалентностью, синкретизмом» [Гофман, 2008, с. 50]. Основная сложность состоит в том, что современная Россия – это не страна без традиций, а скорее страна с обрывками традиций. За исключением нескольких регионов, не играющих значимой роли в экономике страны, оказывается практически невозможным использовать социальный капитал традиционных сообществ в качестве своеобразного гумуса модернизационного роста. А.А. Аузан описывает эту ситуацию следующим образом: «В странах, переживших длительный тоталитарный режим, уничтожаются системы неформальных правил вместе с традиционными сообществами... В тех регионах, которые были особенно важны для тоталитарного режима, этот традиционный слой вычищен, его нет. И мы получаем совершенно другую постановку задачи. У нас нет обычаев, которые живут в традиционных сообществах. А есть атомизирован-

ное население, и исходной точкой является не обычай, а криминальные “понятия”. И это очень серьезный вопрос» [Аузан, 2009].

Сегодня любое обращение к традиции – это новая сборка, конструктивистское действие. Причем возможности комбинаторики элементов традиций и инноваций, собственного и заимствованного опыта довольно широки, но далеко не безграничны. И если не пытаться подверстывать под категорию «традиции» институты, практики и культурные образцы советской версии модерна [см.: Arnason, 1993], то дихотомия *традиция / современность* в нашем случае оказывается малопригодной для теоретического обоснования модернизации.

Осмысление постсоветского двадцатилетия в контексте дискуссий о модернизации также порождает «неудобные» вопросы. В самом деле, каковы же были реальные последствия радикальных экономических реформ начала 1990-х годов, призванных создать в России современную рыночную экономику, если спустя без малого два десятилетия после их начала власти понадобились призывы к модернизации? Несомненно, что неолиберальная доктрина, которой придерживались российские реформаторы начала 1990-х годов, крайне далека от классических идей модернизации 1950–1960-х годов. К. Калхун в связи с этим подчеркивал: «С точки зрения теории модернизации неолиберальная шоковая терапия не имела бы никакого смысла. Те старые теоретики сказали бы, что если у вас еще не возникли современная ментальность, современные законодательные институты, современная культура, современные политические партии, ничего у вас не получится. Это была программа, которая имела амбицию видеть социальные процессы взаимосвязанными» [Калхун, 2006].

Но можно ли говорить о том, что в результате гайдаровских реформ в России произошла демодернизация?¹ Предпочтение инструментов макроэкономического регулирования целенаправленной промышленной политике привело к деградации экономической структуры, которую можно характеризовать как частичную деиндустриализацию². Однако едва ли социальным эффектом этой

¹ Например, еще десять лет назад об этом писал Г.А. Явлинский [Явлинский, 2002].

² В своей статье в газете «Ведомости» (30.01.2012) В.В. Путин именно в этом контексте и говорит о деиндустриализации [Путин, 2012]. Показательно

деградации стало замещение структур индустриального общества «структурами, характерными для традиционного... общества» [Шубин, 2010]. Это было бы еще полбеды, поскольку структуры традиционного общества представляют одну из форм социальной интеграции. На деле «невидимая рука рынка» вместо новых или старых форм интеграции породила в России атомизированное общество. Наконец, формальное заимствование политических институтов либеральной демократии обернулось в постсоветской России воссозданием несколько модифицированной модели авторитарного правления.

Никакой возврат к традиционному обществу на рубеже XX–XXI вв. был, конечно, невозможен, зато проблема выживания индивидов, малых и больших социальных групп, да и самого государства стояла весьма остро. Неудивительно, что путинская стабилизация, осознанно или неосознанно, воспринималась значительной частью российского населения как обретение некоторого ресурса социальной безопасности, заплатить за который можно было частью политических свобод, к тому времени уже во многом выхолащенных. А на исходе «тучных лет», когда стала очевидной необходимость существенного изменения стратегии социально-экономического развития, путинская стабилизация начала рассматриваться и в качестве необходимой предпосылки модернизации. Во всяком случае, подчеркивание смысловой связи и исторической преемственности путинской стабилизации и медведевской модернизации оказалось органичной составляющей нарратива правящего дуумвирата¹.

В рамках борьбы за овладение пространством модернизационного дискурса большую популярность приобрел тезис о фактической безальтернативности модернизации либо о заведомой неприемлемости возможных альтернатив. Этот тезис, нуждающийся в тщательном обосновании, во многих текстах, посвященных модернизации, оказывался постулатом. Так, например, в докладе Ин-

также, что в данной статье и в серии других публикаций, раскрывающих предвыборную программу этого кандидата в президенты РФ, термин «модернизация» используется главным образом применительно к решению задачи качественного обновления технологической базы российской экономики.

¹ Подробнее см. статью О.Ю. Малиновой «Еще один „рывок“? Образы коллективного прошлого, настоящего и будущего в современных дискуссиях о модернизации» в настоящем издании.

ститута современного развития «Обретение будущего. Стратегия 2012» провозглашалось, что «задача приведения к современности» через быстрое, радикальное и системное обновление равнозначна решению вопроса о выживании страны [Обретение будущего... 2011, с. 4]. Практически на той же самой посылке «aut – aut, tertium non datur» основывался и доклад «Культурные факторы модернизации»¹, подготовленный для Фонда «Стратегия 2020» рабочей группой под руководством А.А. Аузана: «Или страна совершает прорыв в современную развитую экономику, делает ставку на новые технологии, обновляет всю совокупность социально-экономических отношений, или безнадежно стагнирует, теряя молодые кадры и растрачивая природные ресурсы» [Культурные факторы модернизации... 2011, с. 3].

Г.А. Зюганов в данном случае также демонстрировал единомыслие с либеральными оппонентами, заявляя, что у России нет лишнего времени на модернизацию и что сейчас, так же как и в 1920–1930-е годы, жизненно необходимо преодолеть отставание в кратчайшие сроки [Зюганов, 2010].

Постулирование безальтернативности модернизации неизбежно предполагает существование нормативного образца, по крайней мере, общего стратегического ориентира, в направлении которого должно двигаться модернизирующееся общество. С точки зрения выбора возможных ориентиров дискуссия о модернизации пошла по хорошо знакомым направлениям: социалистическое преобразование общества; преобразования в ходе строительства империи или сверхдержавы; трансформации, связанные с демократическим транзитом и созданием основ рыночной экономики. Иначе говоря, сторонники различных идеологических подходов искали нормативную модель модернизации либо вовне (в прошлом и настоящем), либо на российской почве (только в прошлом).

Теоретическое «провисание» идеи модернизации побудило некоторых авторов предлагать иные, инструментально-релятивистские трактовки. Их основная интенция состояла в том, чтобы уйти (насколько вообще возможно) от качественных характеристик

¹ Несмотря на ритуальное провозглашение безальтернативности модернизации, данное исследование можно рассматривать как одно из наиболее содержательных и перспективных с точки зрения задачи самопонимания российского общества.

процесса модернизации и его пространственно-временной привязки. В конечном счете сторонники этой версии стремятся показать, что модернизация – это не больше и не меньше, чем инструмент достижения обществом или нацией-государством успеха во все более конкурентном мире. Например, В.Л. Иноземцев в статье с красноречивым названием «О невозможности модернизации России» предлагал следующую дефиницию: модернизация представляет собой «организованный и скоординированный процесс, чьей задачей является развитие экономической структуры и политических институтов общества с целью повышения его хозяйственной конкурентоспособности в частности и социальной привлекательности в целом» [Иноземцев, 2008, с. 146]. Следуя этой логике, к числу модернизаций допустимо причислять любой процесс социально-экономических и политических изменений в любом обществе и в любую эпоху, если результатом этого процесса может стать повышение экономической эффективности и социальной привлекательности в сопоставлении с другими обществами, ранее лидировавшими по соответствующим показателям. Здесь, разумеется, необходимо достижение согласия относительно критериев социальной и экономической успешности. Но если такое согласие достижимо, то можно с легкостью снять «отягощающие» вопросы относительно исторической обусловленности процессов модернизации и их связи с социокультурным контекстом¹. Такая трактовка модернизации становится всего лишь прикладной теорией, благопо-

¹ Следует отметить, что сам В.Л. Иноземцев явно не вполне готов к той степени свободы, которую предоставляет подобная инструментальная трактовка. Он, в частности, рассматривает модернизацию как некий период ученичества, освоения опыта цивилизационных лидеров и попытки догнать их. Удачливому ученику в случае успеха догоняющей модернизации, обусловленной внешними вызовами и искусственно направляемой обеспокоенной отставанием элитой, удастся перейти на качественно иную траекторию – траекторию органичного самоподдерживающегося развития, когда навсегда отпадет потребность в новых модернизациях [Иноземцев, 2008, с. 148]. Подобный аргументационный маневр, воспроизводящий положения, сформулированные еще в классический период развития теории модернизации [ср.: Eisenstadt, 1964, p. 347], позволяет автору сохранить нормативную модель «модернизация как вестернизация», поскольку на траекторию «органичного развития» удалось перейти прежде всего западным либеральным демократиям, которые, надо полагать, способны любой кризис преодолевать в режиме самонастройки.

лучно избегающей конкуренции с базовыми парадигмами социального знания и допускающей совмещение нескольких теоретических перспектив [см.: Zapf, 1991, S. 26].

Будучи компромиссной формулой, инструментально-релятивистское понимание модернизации как борьбы за успех в конкурентном мире, очевидно, в большей степени отвечало устремлениям разнородных российских элит. На этой формуле хотя бы временно могли сойтись и сторонники этатистской модели развития, и так называемые системные либералы. Правда, именно последние проявляли наибольшую активность в попытках реинтерпретации этой формулы, пытаясь дать ответ на следующий вопрос: является ли сильное государство («вертикаль власти») необходимым условием или основным препятствием успешной модернизации?

В этатистской версии именно государство является основным инструментом модернизации. Причем сторонники данной версии ссылаются и на российский опыт модернизационных рывков, осуществлявшихся при мобилизующей роли государства, и на опыт «прорыва в современность» ряда незападных, прежде всего восточноазиатских, стран, где именно государство выступало инициатором и мотором догоняющего развития. Любопытно, что этой версии придерживаются не только проponentы консервативной модернизации, нередко ссылающиеся на патернализм «путинского большинства» [см., напр.: Бадковский, Виноградов, Орлов, 2010], но и А.Б. Чубайс, убежденный в возможности запуска «сверху» процессов экономической модернизации, которые, в свою очередь, породят социальный запрос на политическую модернизацию [Заявление... 2010].

Согласно противоположной точке зрения, успех модернизационной стратегии может быть обеспечен благодаря раскрытию креативного потенциала гражданского общества и отходу от государственного патернализма. В частности, Е.Г. Ясин отчетливо сформулировал эту позицию еще за несколько лет до развертывания актуальной дискуссии о модернизации. Противопоставляя авторитарной модернизации «сверху» демократическую модернизацию «снизу», он подчеркивал, что последняя возможна «на основе инициатив бизнеса и гражданского общества, стало быть, со ставкой на экономическую и политическую конкуренцию, на демократизацию, на преобразование в течение исторически короткого срока национальной культуры в сторону более продуктивных институтов и ценностей» [Ясин, 2005].

После 2008 г. вклад в развитие данного тезиса внесли многие авторы и экспертные группы, но наибольший резонанс, несомненно, имели доклады Института современного развития, высказывания его руководителей и экспертов. Местоположение ИНСОРа в специфической системе координат периода тандемократии неизменно привлекало общественное внимание к интеллектуальной продукции этой «фабрики мысли». У многих обозревателей наблюдалась странная абберрация слуха: слушали Игоря Юргенса и Евгения Гонтмахера, а слышали, как казалось, Дмитрия Медведева. ИНСОРовская оценка государственного патернализма как преграды модернизационным усилиям демонстрировала стремление ориентированной на третьего президента РФ части российской элиты демонтировать «путинскую вертикаль», а призывы к либерализации политического режима рассматривались с точки зрения «проблемы 2012».

Во многом благодаря усилиям ИНСОРа, других системных либералов, а также идеологов внесистемной оппозиции к середине 2011 г. тема модернизации была реконтекстуализирована. В спорах о модернизации центральными стали вполне самостоятельные вопросы политической свободы и демократических институтов. Обсуждение других аспектов модернизации – социокультурного, организационно-управленческого, образовательного, научно-технического, инвестиционного и т.д. – продолжается скорее по инерции. Однако теоретический фундамент для их дальнейшей разработки в ходе дискуссии так и не был подведен, а динамика внутриполитических процессов заставляет предположить, что уже очень скоро в центре внимания политической и интеллектуальной элит России будут иные сюжеты.

Литература

- Аузан А.А. Национальная формула модернизации: Публичная лекция 16.10.2009. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2009/10/16/auzan/>
- Бадковский Д.В., Виноградов М.Ю., Орлов Д.И. Консервативная модернизация – 2010: конфигурация власти и новая политическая повестка дня. – 2010. – 13 января. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1241073.html>
- Гофман А.Б. От какого наследства мы не отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков // Традиции и иннова-

- ции в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 5–112.
- Ефременко Д.В.* Теоретические основания экополитологии. Опыт реконструкции. – Саарбрюкен: Lambert academic publishing, 2011. – 341 с.
- Закария Ф.* Постамериканский мир. – М.: Европа, 2009. – 280 с.
- Чубайс А.Б.* Заявление Генерального директора РОСНАНО Анатолия Чубайса. 27.10.2010. – Режим доступа: <http://www.rusnano.com/Post.aspx/Show/28536>
- Зюганов Г.А.* Социалистическая модернизация – путь к возрождению России: Доклад на V Пленуме ЦК КПРФ 3 апреля 2010 года. – Режим доступа: http://kprf.ru/rus_soc/77698.html (Дата обращения: 3.02.2012.)
- Иноземцев В.Л., Паин Э.А., Волкогонова О.Д.* О невозможности модернизации России // Российская модернизация: размышляя о самобытности. – М.: Три квадрата, 2008. – С. 145–165.
- Калхун К.* Теории модернизации и глобализации: Кто и зачем их придумывал (17.01.2006, М., Институт общественного проектирования). – М., 2006. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-143310.html> (Дата обращения: 3.02.2012.)
- Культурные факторы модернизации: Доклад. – М.; СПб.: Фонд «Стратегия 2020», 2011. – Режим доступа: http://www.strategy-2020.ru/sites/default/files/public/64/kulturnye_faktory_modernizacii.pdf (Дата обращения: 3.02.2012.)
- Медведев Д.А.* Выступление на V Красноярском экономическом форуме «Россия 2008–2020. Управление ростом», 15 февраля 2008 г. – Режим доступа: http://www.medvedev2008.ru/live_press_15_02.htm (Дата обращения: 16.12.2010.)
- Медведев Д.А.* Россия, вперед! // Газета.ру. – 2009. – 10 сентября. – Режим доступа: http://gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (Дата обращения: 11.09.2009.)
- Обретение будущего. Стратегия 2012. – М.: ЭКОН-Информ, 2011. – 95 с.
- Парсонс Т.* О социальных системах. – М.: Академический проект, 2002. – 832 с.
- Пивоваров Ю.С.* Русская история как «русская идея» // Национальная идея: Страны, народы, социумы: Сб. ст. / Отв. ред. Оганисян Ю.С. – М.: Наука, 2007. – С. 333–358.
- Путин В.В.* Нам нужна новая экономика // Ведомости. – М., 2012. – 30 января. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/politics/news/1488145/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah (Дата обращения: 3.02.2012.)
- Шубин А.В.* Модернизация и постиндустриальный барьер, или почему у Медведева ничего не получается // Неприкосновенный запас. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – Т. 74, № 6. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/2123/2147/> (Дата обращения: 3.02.2012.)
- Энтер Д.* Антимодернистская модернизация в России и США // Русский журнал. – М., 2009. – 31 декабря. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaya->

- povestka/Antimodernistskaya-modernizaciya-v-Rossii-i-SSHA (Дата обращения: 3.02.2012.)
- Явлинский Г.А. Демодернизация. – Режим доступа: http://www.yavlinsky.ru/theme_of_day/index.php?id=589 (Дата обращения: 3.02.2012.)
- Ясин Е.Г. Модернизация или разрушение // Газета.ру. – М., 2005. – 16 июня. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2005/06/16_x_301222.shtml (Дата обращения: 3.02.2012.)
- Almond G. Public opinion and the development of space technology // Public opinion quarterly. – Oxford: Oxford univ. press, 1960. – Vol. 24, N 4. – P. 553–572.
- Arnason J. The future that failed: Origins and destinies of the Soviet model. – L.: Routledge, 1993. – 227 p.
- Bauman Z. Communism: A postmortem? Two decades on, another anniversary // Thesis eleven. – Melbourne: Sage, 2010. – Vol. 100 (February) – P. 128–140.
- Contemporary sociological theory / Calhoun C.J., Gerteis J., Moody J., Pfaff S., Virk I. (Eds.). – Oxford: Wiley-Blackwell, 2007. – 489 p.
- Dunne T. The liberal order and the modern project // Millenium: Journal of international studies. – L.: Sage, 2010. – Vol. 38, N 3. – P. 535–543.
- Eisenstadt S.N. Breakdowns of modernization // Economic development and cultural change. – 1964. – N 12. – P. 345–367.
- Eisenstadt S.N. Modernization, protest, and change. – NJ: Englewood Cliffs, 1966. – 166 p.
- Eisenstadt S.N. Multiple modernities // Daedalus. – Cambridge, MA: MIT Press, 2000. – Vol. 129, N 1. – P. 1–29.
- Funtowicz S.O., Ravetz J. Science for the post-normal age // Futures. – Amsterdam: Elsevier, 1993. – N 25. – P. 735–755.
- Gershenkron A. Economic backwardness in historical perspective: A book of essays. – Cambridge, MA: Belknap press of Harvard univ. press, 1962. – 456 p.
- Gershenkron A. Europe in the Russian mirror: four lectures in economic history. – L.: Cambridge university press, 1970. – 158 p.
- Gregor A.J. Interpretations of fascism. – Morristown, N.J.: General learning press, 1974. – 593 p.
- Keen M.F. Stalking the sociological imagination: J. Edgar Hoover's FBI surveillance of American sociology. – Westport, CT: Greenwood press, 1999. – 248 p.
- Matossian M. Ideologies of «delayed industrialization»: Some tensions and ambiguities // Political change in underdeveloped countries: Nationalism and communism / Kautsky J.H. (ed.). – N.Y., 1962. – P. 252–268.
- Moore B. Social origins of dictatorship and democracy: Lord and peasant in the making of the modern world. – Boston: Beacon press, 1966. – xxv, 559 p.

- Organski A.F.K.* Fascism and modernization. // The nature of fascism / Woolf S.J. (ed.). – L.: Weidenfeld and Nicolson, 1968. – P. 28–54.
- Rostow W.W.* The stages of economic growth: A non-communist manifesto. – NY: Cambridge: Cambridge univ. press, 1960. – 272 p.
- Wagner P.* Multiple trajectories of modernity: Why social theory needs historical sociology // Thesis eleven. – Melbourne: Sage, 2010. – N 100 (February). – P. 53–60.
- Zapf W.* Die Modernisierung und Modernisierungstheorien // Die Modernisierung moderner Gesellschaften. Verhandlungen des 25. Deutschen Soziologentages in Frankfurt am Main 1990 / Zapf W. (Hrsg.). – Frankfurt a. M.: Campus, 1991. – S. 23–39.